

Ольга Корелова

**КРЕСТЬЯНСКАЯ
СЕМЬЯ**

Попытка заглянуть в прошлое

Ольга Корелова

**Крестьянская семья.
Попытка заглянуть в прошлое**

«Издательские решения»

Корелова О.

Крестьянская семья. Попытка заглянуть в прошлое /
О. Корелова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968253-6

«Давайте, как в маленькое окошко, заглянем в прошлое, в жизнь наших ныне покойных сродников и постараемся увидеть — как и чем они жили, какие нравственные ориентиры были у них на первом месте». Опираясь на исторические данные о семейной жизни крестьян в Царской, дореформенной России примерно XVIII — XIX веков, было написано это художественное произведение. В книгу также вошли картины выдающихся художников XIX — XX вв., передающих нам жизнь и облик людей того времени, и русские народные пословицы.

ISBN 978-5-44-968253-6

© Корелова О.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграф	6
Крестьянская семья. Глава 1. Болезнь дочери	8
Глава 2. Чудо на Пасху	13
Глава 3. Христианская кончина	18
Глава 4. Ксюша. И снова осень	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Крестьянская семья Попытка заглянуть в прошлое

Ольга Корелова

Давайте, как в маленькое окошко, заглянем в прошлое, в жизнь наших ныне покойных сродников и постараемся увидеть – как и чем они жили, какие нравственные ориентиры были у них на первом месте.

© Ольга Корелова, 2020

ISBN 978-5-4496-8253-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дерево держится корнями, а человек – семьей», – под этим можно понимать и преемственность поколений. С помощью преемственности из рода в род передаются семейные традиции, культурное прошлое, духовные ценности, трудовые навыки. Это невидимая связь между потомками. Преемственность поколений – это нить, которую нельзя разрывать, это связь, которую надо поддерживать. (Яковлев В. П.)

Эпиграф

Опираясь на исторические данные о жизни крестьян в Царской, дореформенной России примерно XVIII – XIX веков, была написана эта повесть. Конечно, нельзя в полной мере назвать ее исторической, это – художественное произведение. Акцент делался только на семейные отношения. Была просто сделана попытка хоть немного приблизиться к жизни наших сродников того времени в крестьянской среде и осмыслить ее с нравственной стороны.

В книгу также вошли картины выдающихся художников XIX – XX в., живущие отдельной жизнью. Они изображают жизнь и облик русских людей того времени и говорят нам о многом. Всмотритесь в них внимательно, это – наше достояние, наследство, как и народная мудрость, дошедшая до нас через глубину веков и выраженная в русских народных пословицах и поговорках.

Александр В. Маковский «Крестный ход на Флора и Лавра»

Федот В. Сычков. Трепание льна. Дореволюционная открытка.

Норвежский художник Ян Экенес «Женщины стирают» 1891 год.

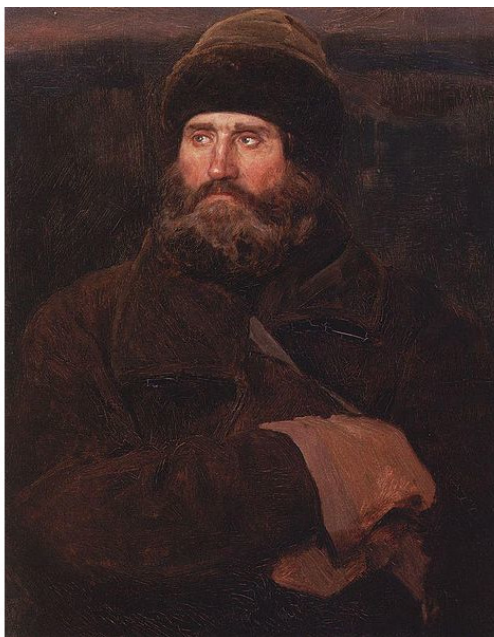
Крестьянская семья. Глава 1. Болезнь дочери

Витославицы. Крестьянская изба, 19 век.

«Праздник скоро, – думал отец, глядя на подтаявший снег. – Пасха Господня ранняя. А на душе ходят тучи черные. Ну что же мне, окаянному, делать? Единственная дочь моя тяжело больна, еле жива.»

Иван Сергеевич жил вместе со своей женой Евдокией Семеновной и единственной дочкой Полюшкой в небольшой избе рядом с густым лесом на краю русской деревни Залесье. Жителей здесь жило не так много и все друг друга знали, ходили друг к другу в гости, а, бывало, и звали на помощь: сено, зерно убрать, избу построить или еще в какой-нибудь работе подсобить. Жили все небогато, ячменного хлеба, бывало, не хватало, особенно по весне. Но трудились честно, своими руками добывали себе и пропитание, и одежду, обустраивали свое жилье. От того и унывать им было некогда.

В. М. Васнецов «Крестьянин Владимирской губернии» 1883 г.

Скотинка тоже водилась в каждом доме: коровушки, либо козочки, овечки с ягнятами, свинки с поросятами, петухи да курочки. Да и лошадь была почти в каждом доме. Она – первая крестьянам помощница. А и как без нее? Ведь для посева надо поле вспахать, картофель окуचितь, удобрения, дрова и сено привезти? И... много еще чего. В любом трудном деле лошадка выручала крестьянина. Были годы урожайные, когда амбары были полны зерна, но бывали и голодные годы.

Долгими зимними вечерами и по весне, когда полевых работ не было, женщины пряли, да ткали, шили и вышивали одежду на семью. Мужчины занимались разными ремеслами: плели лукошки, короба, лапти – теплую непромокаемую обувь для зимы и для лета, выстругивали посуду и домашнюю утварь, изготавливали из дерева мебель. Часто ходили на рыбалку, охоту, а кто мог – в город на заработки (больше – по плотническому делу, к которому привыкали с детства).

Е. А. Покровский «Крестьянские дети зимой» 1884г.

Ребятишек в каждом доме было предостаточно. Да и как же им не быть, когда в доме не одна и не две, а чаще – три, четыре и пять семей жило, три поколения? Да и как не рожать детей, когда сам Господь человека в мир посылает. Ну и что, что жилось часто бедно, зато потом помощники какие вырастали! И сам Спаситель в Евангелие говорит людям: «смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.» Взаимовыручка была обычным и необходимым для жизни делом среди крестьян.

Но были семьи, которые хотели жить отдельно и тогда им выделялся надел земли, часть скотины и строился дом. Конечно, таким семьям жилось тяжелее прочих и связь с родными они не теряли. Одной из таких семей, живущей отдельно, была семья Ивана Сергеевича с Евдокией Семеновной. Жили они в небольшом доме со своей дочкой Полюшкой и, как могли, вели свое хозяйство с Божьей помощью, разделяя работы со своими родственниками.

...У окна сидела бледная мать и что-то вязала на спицах. Рядом с нею стояла кровать, на которой лежала в лихорадке дочка лет семи.

«Господи, помилуй! У всех детишек – полон дом, а у меня, горемычного, – одна доченька, да и та умирает», – думал свою нелегкую думу отец Полюшки Иван Сергеевич.

– Евдокия Семеновна, ты молитву не оставляй, слышишь, Иисусову-то про дочку нашу, ты же мать!

– Да не оставляю я, Иван Сергеевич. Как могу, у самой сердце мается как на нее, болезную, посмотрю. Отца Павла бы позвать, чтоб пришел к нам поисповедовать, причастить дочку нашу.

– Сам знаю, – отозвался Иван Сергеевич, – завтра утром съезжу, даст Бог, приедет отец Павел до сумерков. Хоть путь не близкий от церкви – верст семь. Но, может, не побрезгует...

Спустились на землю вечерние сумерки и Иван Сергеевич с Евдокией Семеновной встали на вечернюю молитву, то и дело поминая Полечку.

Ночь для дочки прошла безпокойно. Встав рано утром до петухов и помолившись перед иконами, отец отправился в путь. Запряг лошадь в сани, да покатил. Но дорога была трудная. Талый снег – и липучий и рыхлый. То и дело лошадка застревала, и приходилось ей помогать вытаскивать сани. Вот доехал он до половины пути и тут, к большому своему удивлению, понял, что сбился с дороги и не знает куда теперь ехать. А густой лес стеной обступил. Нет ни деревеньки, ни дома поблизости, прохожих и в помине нет.

«Вот горе-то какое, – подумал Иван Сергеевич. – Не бывало еще со мной такого, чтобы я дорогу-то спутывал. Да и Зорька меня ни разу не подводила.» Но как ни пытался он выйти на дорогу до Преображенского села, заблуждался все хуже и хуже. Наконец, остановил лошадь, скинул шапку и, упав в снег на колени, начал молиться: «Боже Всемогущий, дочь умирает, а я с дороги, окаянный, сбился, по лесу блуждаю. Укажи мне путь-дорогу в Преображенскую церковь к отцу Павлу! Помилуй меня, грешного!»

Долго еще молился отец со слезами, как вдруг послышались шаги по старому ельнику. «Никак идет кто? – подумал он и вскочил на ноги. – И вправду идет!» И вот из лесной чащи ему навстречу вышел преклонных лет старец. С белой бородой, со светлыми и очень добрыми глазами, в простом тулупе, валенках и шапке-ушанке. Но, не смотря на простую крестьянскую одежду, вид его был очень величественным. Точно не простой дедушка, а сам благородный князь к нему вышел. Иван Сергеевич подошел к старцу, сделал ему поясной поклон и на душе у него стало легко и радостно:

– Здравствуй, отец. Спаси тебя Христос! Уж не ждал я здесь кого-то увидеть. Заплутал я в лесу изрядно. Уж и не знаю как мне дорогу найти к Преображенскому селу.

Светлый старец остановился и с теплотой посмотрел на него, точно в самую душу глянув:

– А зачем тебе, мил человек, надобно в это село?

– Да мне батюшка нужен, священник тамошний, чтобы он к нам домой пришел, дочь мою причастил. Уж очень сильно она разболелась!

– Хорошее дело... Вот только не так просто дочь твоя разболелась. Видимо и ты вину какую имеешь?

Иван Сергеевич склонил голову и сильно смутился от слов старца.

– Что и говорить, отец, за мой грех, наверное, дочь моя страдает. Обидел я сильно перед кончиной свою матушку. А теперь-то ее и в живых-то нет. Молюсь за ее упокоение, прощение прошу. Но как мне загладить грех перед ней – не знаю.

– Мил человек, могу тебе кое-что присоветовать: как тебе снять грех перед своей матерью, а ей исходатайствовать блаженное упокоение. В твоем селе на заречной улице в покосившейся избушке живет одинокая старушка – Дарья Ивановна. Мужа ее рано убили на войне, остался один сын, да и тот, не оставив детей, умер. Живущих поблизости родных у нее почти нет. Помогают ей соседи из жалости. Бывает, что с воды на хлеб она перебивается. Только больше всего ее гложет одиночество. Что никому она стала не нужная. Приюти у себя в избе эту бабушку, она дочку твою от смерти вымолит и будет это твоей милостыней пред Господом за твою усопшую матушку.

– Но откуда ты, отче, про все это ведаешь? Ведь я тебя в наших краях и не видывал?

– Сделай, добрый человек, как я тебе сказывал, окажи старой женщине милость. И Господь свою милость тебе окажет. А до села Преображенского надо идти вот в эту сторону.

Сказав это, старец указал дорогу, после этого невидимо скрывшись из вида Ивана Сергеевича. Только Иван Сергеевич еще долго стоял на одном месте и никак не мог опомниться от удивления: «Наяву это было, иль мне привиделось? Видать, не обычный старец на встречу мне вышел, а, наверное, угодник какой Божий!» После встречи со старцем Иван Сергеевич вышел на свою дорогу и добрался до села без затруднений.

...Причастил отец Павел Полюшку. Просветилась ее душа святым причастием, полегчало ей, но болезнь от нее все же не отступала. Наставало вербное Воскресение, а за ней и Страстная неделя.

– Привези мне освященных вербочек, – попросила Евдокия Семеновна Ивана Сергеевича. – Постегаю я ими чуток мою Полечку во здравие телесное.

Серафима Блонская «Девочки. Вербное воскресенье» 1900 г.

Вечером Иван Сергеевич приехал в село и побывал на всенощной службе под праздник Входа Господня в Иерусалим, в народе именуемом как вербное воскресение. Переночевал он в селе у знакомых. Утром был на Божественной Литургии и причастился Святых Тайн. Затем, выйдя из храма, отправился к себе домой, везя с собой освященные вербочки. Едет, а сам только и думает, что о покойной матушке, да о больной Полюшке, да о Дарье Семеновне: «Надо жене все рассказать, посоветоваться. Все ж должны мы приютить у себя Дарью Ивановну, хоть самим нам бывает трудно...»

Глава 2. Чудо на Пасху

Василий Дмитриевич Polenov «Русская деревня» 1889г.

... – Мир дому сему! С праздником, Дарья Ивановна! – сказал Иван Сергеевич, заходя в избу старой женщины. – Вот возьмите от меня вербочки – в церкви освященные.

– Спаси вас Господь, батюшка, что меня, старую, вспомнили! И вас тоже с нынешним праздником!

– Вот и неделя Страстная настает, а за ней и Пасхальная. Святые дни, матушка!

– Да, батюшка, святые. Только и думаю как мне, немощной, в Церковку -то выбраться.

– Так со мною доедите, матушка, хоть дорога нынче не легкая – Ох, помогите вам Господь, батюшка! Для меня это большое утешение.

– Да... Бедно-то вы живете, Дарья Ивановна, – сказал Иван Сергеевич, оглядываясь вокруг.

– А ты попей чайку, родимый, не побрезгуй, горячей чечевички похлебай. Стол, конечно, не богатый, прошу прощеньица.

– Да я не к тому, Дарья Ивановна. Изба у вас очень уж ветхая – ветер так в щели и гуляет и крыша, наверное, во время дождя течет.

– Что и говорить, батюшка. Давно уже в доме нет хозяина. Сына-то одиннадцать годков как не стало, а мужа и того больше. Прости, что жалуясь – Бог милостив, не оставляет меня, грешную. И люди находятся добрые, помогают кто чем может в моей немощи. Дрова пока есть, слава Богу, печку топлю, на печи греюсь. Только по утрам уж больно зябко бывает, как печь остывает. Прости, голубчик, что жалуясь.

– Одиноко вам здесь, наверное, бабушка?

– Бывают, заглядывают ко мне люди добрые. Даже козочка моя Белочка утешает, четыре курочки есть да петушок. И кот Пушок ко мне прилезает на печь погреться. Все-таки не совсем одна я. Да и Господь наш со своей Матушкой и со своими угодниками близко, всегда могу с ними побеседовать.

– Ох матушка, переходили бы вы к нам с Евдокией Семеновной и с Полюшкой жить!

– Что ты, голубчик, стесню я вас! Да и какой от меня, старой, прок? Хозяйства уже не могу вести. Веточек для Белочки и то не хватает сил вдоволь запастись. Огород помаленьку веду, да и то с горем пополам.

– Не для телесной пользы вас зову я к себе, матушка, а для душевного спасения. Благословил меня на то батюшка. Вы Полюшку мою болезную только в своих молитвах помните, да покойную мою матушку, уж больно я перед нею виноватый. Собирайтесь, собирайтесь, матушка. Евдокия Семеновна вас в избе уж дожидается. Найдется и для вас местечко.

– Спаси тебя Бог, батюшка! – воскликнула Дарья Ивановна. – И всю твою семью! Простите меня, старую. Всю жизнь вас в молитвах поминать буду!

Вот и стала Дарья Ивановна жить в семье Ивана Сергеевича. Живет, утешается. С Евдокией Семеновной и с Полюшкой общается. А Полюшка как увидела ее в первый раз, так засветилась вся от счастья и воскликнула: «Бабушка, бабушка к нам пришла, Дарья Ивановна!»

И. А. Каверзнев «Светлое Воскресение» 1962 г.р.

Наставала Великая суббота. «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить.» – пел Иван Сергеевич, поправляя лампы перед начищенными до блеска иконами. А Евдокия Семеновна с Полюшкой ему подпевали. Полюшка еще лежала на кровати, расслабленная от болезни.

– Как бы я хотела, матушка, на праздник поправиться! В церковь вместе с вами сходить, причаститься на Пасху. И тебе, матушка, наверное, тоже в церковь хочется пойти, давно ты там не была.

– Бог милостив, Полюшка, – отвечала Евдокия Семеновна. – На все Его святая воля!

Наступило светлое утро Великой субботы. Священнослужители и весь церковный причет поменяли за богослужением скорбно темные великопостные облачения на радостные белые. И дьякон пропел: «Восста яко спя Господь и воскресе, спасая нас. Аллилуиа.» – приближалась Великая Пасха.

Иван Сергеевич, Евдокия Семеновна и Дарья Ивановна молились в это время перед образами. И вдруг раздался удивленный голос Полюшки:

– Папенька, маменька, кто это? А свет-то какой белый, просто ослепительный!

Полюшка заулыбалась, глядя куда-то в сторону.

– Как мне хорошо, матушка! Я наверное выздоравливаю. Ой, куда же ты?

Полюшка быстро встала и подошла к окну. На ясном небе вовсю светило солнышко. Евдокия Семеновна поспешно подбежала к дочери, вот уже несколько месяцев от слабости самостоятельно не встававшей с постели, и, опустившись на колени, обняла ее за талию.

– Что с тобой, Полюшка? – мать потрогала лоб дочки – температура спала и горячечный румянец исчез.

– Мне стало так легко, матушка. Я, кажется, больше не болею. Христос Воскресе!

– Во истину Воскресе, Полюшка!

Иван Сергеевич подошел к дочери, не в силах сдержать слез.

– Папенька, мне уже лучше. Благодарю тебя за все, папенька.

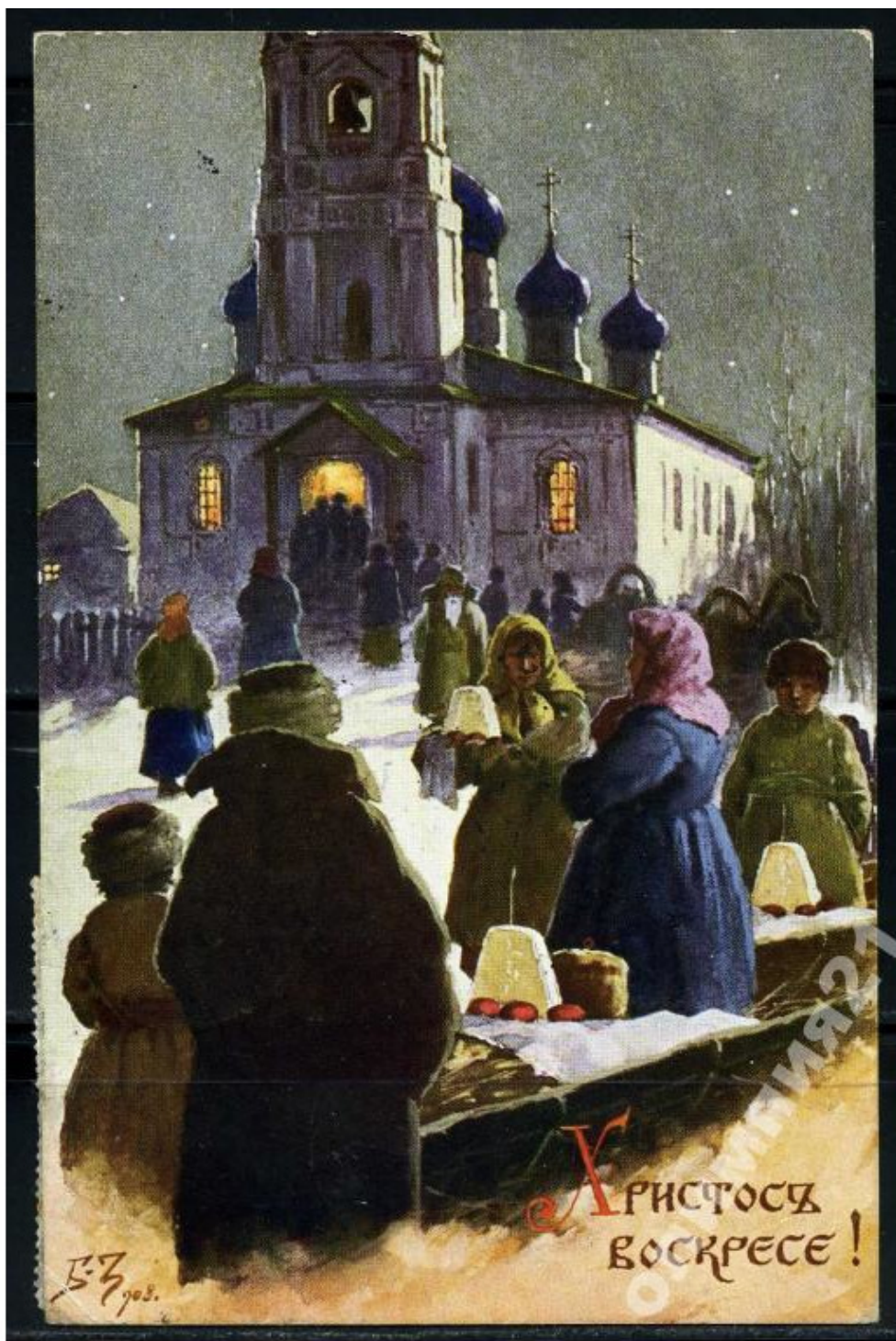
– Ах ты моя любезная, – Иван Сергеевич горячо обнял Полюшку. – Солнышко ты наше ненаглядное.

– Чудо-то какое, слава Тебе Господи! – воскликнула Дарья Ивановна, в изумлении глядя на них. – Дороже любого сокровища это чудо! В канун такого большого праздника!

И все жители деревни Залесье и Преображенского села встречали радостно Пасху Господню раннюю...

Икона «Воскресение Христа – Сошествие во ад» конец 19 в.

Алексей Кондратьевич Саврасов «Хоровод в селе» 1874г.

Глава 3. Христианская кончина

"Бабушка". Автор: skhakirov из Донецка, Украина. 9.09.2007г.

Прошло три года со дня описываемых событий. Полюшка подросла, окрепла, ей исполнилось 10 лет. Уже не было такой работы в доме по хозяйству, в огороде, в поле и на покосе, которую бы мать с ней не разделяла. Только Дарья Ивановна с каждым годом становилась все слабее и слабее.

«Такая уж доля нам, старикам, слабеть, да умирать, а вам, молодым, расти и крепнуть и жить дальше. Да будет на все воля Божия! – так иной раз говаривала она Поле. – Жизнь души жизнью земной не кончается. После смерти душа со всеми своими мыслями, чувствами, словами и делами будет жить в вечности. И на что способна – то и получит. Забывала душа Бога, отрекалась от Него словами и делами – будет жить без Бога в вечности. А какая в вечности без Бога жизнь и так понятно: в великой тесноте, в скорби. Только Господь дает истинную радость, чистоту и жизнь настоящую. Богоотступник же диавол радости и жизни дать не может, он – человеконенавистник и человекоубийца из покон веков. Один Господь, наш Праведный Судия, любит человека и милует больше, чем кто-либо на свете».

Дни проходили за днями, наступала осень. Дарья Ивановна сделалась совсем плоха. Все больше и больше она не сходила с печи, полушепотом читая наизусть псалтирь и молитвы. Жалоб от нее сильных не было, разве только скажет иногда: «Что-то мне нынче не здоровится, простите меня, сердешные, плохая я вам помощница.» Но никто на нее не сердился. Иван Сергеевич и Евдокия Семеновна сами о ней как могли заботились: поили, кормили, вовремя топили печку, поддерживали словами. А Поля – та души в Дарье Ивановне не чаяла. Заберется в свободное от работы время на печку (чаще всего – вечером) и просит: «Бабушка, расскажи сказку». А Дарья Ивановна ей рассказывала. Сказок она много знала, как и большинство других крестьянок ее возраста. Многому от них можно было научиться неграмотной девочке, которая и книг-то особо не видела и читать не умела. Но по памяти очень многое запоминала.

Бывало, уйдет отец с матерью в поле вместе со своей родней трудиться. А Полюшка когда с ними пойдет, а когда по домашним делам хлопочет: воды принесет, скотину покормит, корову подоит, в избе приберет, обед приготовит, да в печь томиться поставит. Выдастся у нее свободное времечко – ей бы с подружками во дворе побегать, а она все к Дарье Ивановне льнет: " Расскажи мне что-нибудь, бабушка.»

«С Богом мы, конечно, никогда не одиноки. Но сердце человеческое, грешное, уж очень хочет вживую видеть своих дорогих и любимых. Поговорить, услужить, утешить, – а их уже нет на этой земле. Один главный смысл в жизни остался – молиться за них Господу, чтобы

им на том свете было хорошо. Надеюсь, на том свете свидимся, если Господь простит меня за все, окаянную.»

Сложная пора времени года – ноябрь. С непогодой и полным умиранием природы. Многие болеют в это время года. Крепко занедужила и Дарья Ивановна, похудела и ослабла совсем. Годков-то ей было уже много.

«Видно, жизнь моя, грешная, к концу приближается. Позовите мне, ро'дные, батюшку, чтоб я душу свою приготовила...»

Иван Сергеевич на следующий день сам поехал за отцом Павлом в Преображенское село. Хорошо, что на тот момент выпал первый снег и можно было проехать на санях, хоть и с некоторыми затруднениями. Отец Павел поисповедовал, соборовал, причастил Дарью Ивановну у них дома.

«Слава Тебе, Господи! – говорила она после этих трех великих Таинств с большим облегчением. – Теперь и помирать не так страшно будет.»

– Что ты, бабушка, поживешь еще с нами! – воскликнула Полюшка.

– Не знаю, дочка, да будет на все воля Божия. Как призовет меня Господь к себе на ответ, так полетит душа моя к Нему как перышко.

10 ноября утром наконец-то выглянуло солнышко. Евдокия Семеновна и Поля встали задолго до восхода солнца, затопили печь и хлопотали по хозяйству. Печь стала нагреваться, и в холодной избе потихоньку становилось тепло и сухо. Через некоторое время проснулся Иван Сергеевич, и они втроем встали на утреннее молитвенное правило перед иконами. Глава семьи не спеша читал молитвы, мама с дочкой усердно крестились и кланялись. Когда время прошло порядочно, Евдокия Семеновна забеспокоилась:

– Здоровы ли вы, Дарья Ивановна? Что-то вас не слышать.– громко позвала она.

Ответа не последовало.

– Подойди к ней поближе, может быть, совсем занедужила бабушка, – велел ей Иван Сергеевич.

Тогда Евдокия Семеновна залезла на просторную печь туда, где лежала Дарья Ивановна, сразу сердцем почувствовав неладное. Немного откинула одеяло. Дарья Ивановна лежала холодная с застывшим лицом и холодными руками. Выражение ее лица было величественно спокойно, глаза – плотно закрытыми.

– Ой, батюшки, Иван Сергеевич, скончалась наша матушка Дарья Ивановна! – воскликнула Евдокия Семеновна.

– Не может быть! – встревоженный Иван Сергеевич подбежал к лежанке Дарьи Ивановны, потрогал ее, потряс.

– Остановилось сердечко, Ванюшка! – запричитала Евдокия Семеновна. – Закончила свою многострадальную жизнь бабушка!

– Баба, бабушка! – Поля бросилась к ним. – Что теперь будет, маменька? Как страшно и холодно!

– Похоронить ее надо по христиански, доченька, в церкви отпеть, известить всех, кто знал Дарью Ивановну, чтобы молились о упокоении ее души. И мы сами тоже должны молиться. Ты не плачь, не плачь, Полюшка. Ее душа ведь не умерла, а к Богу полетела. Дай Бог ей унаследовать Царство Небесное!

Дарью Ивановну отпевал отец Павел в Преображенской церкви. На отпевании присутствовали Иван Сергеевич и Евдокия Семеновна с дочерью и со всеми родственниками, почти все жители деревни Залесье и некоторые жители Преображенского села, которые лично знали Дарью Ивановну. Похоронили ее на церковном погосте (кладбище), расположенном рядом с Преображенской церковью.

После поминок, на четвертый день Иван Сергеевич приходил в родительский дом поговорить с отцом наедине.

– Здравствуй, батько!

Иван Сергеевич, войдя, снял шапку и перекрестился на образа, стоявшие на полке в правом, «красном» углу избы. Неподалеку стоял широкий деревянный стол, за которым в это время ужинала вся семья, всего четырнадцать человек. Помимо отца еще двое его сыновей с женами и детьми.

Ф. Г. Солнцев «Крестьянское семейство перед обедом» 1824 г. **«Добро по миру не рекой течет, а семьей живет»**

– Заходи, сынок, садись с нами за стол, милости просим.

После ужина Сергей Федорович с сыном вышли во двор и сели у избы на лавку побеседовать.

– Не гневаешься на меня за что? – начал разговор с отцом Иван Сергеевич.

– Твое дело молодое.

– Спаси тебя Бог, отец, за дом, за скотину, за помощь твою. Только сердце щемит – матушку обидел, когда отделился от вас с Евдокиюшкой. Почила наша бабушка Дарья Ивановна и про матушку мою тем напомнила.

– Опять вспоминаешь ты про это, сын?

– Так в живых ее уж нет. Сгорела моя матушка от болезни за неделю, а пора была тогда страдная, работы в поле многие, не смог я за ней поухаживать. Простить я себе не могу, что сказал ей слова недобрые и не попросил за них прощения.

– Не христианской ли веры ты, сынок? Почему мысли такой допускаешь до сердца, что жизнь твоей матушки вместе с ее земной жизнью закончилась? Нет, не закончилась она, а продолжается. В ином только мире – духовном, не в таком как наш. Молитва ко Господу, поминовение в храме Божиим и милостыня о упокоении твоей матушки сослужат ее душе службу великую. Не усомнися только, Иванушка! Ну все, ступай, ступай с Богом, сердечный. Вот тебе мое отцовское благословение на дальнейшие дела твои. Да со своими приходи к нам почаще, с Евдокией и Полюшкой. Вечера-то зимой длинные: будет чем вместе заняться.

Хоть после отпевания и стало полегче, но Поля достаточно тяжело приняла смерть Дарьи Ивановны. Плакала, плохо ела, похудела и под зиму расхворалась. Несколько дней пролежала в постели с температурой. Хорошо, что через неделю болезнь отступила, и она стала поправляться, потом выздоровела. Молодость взяла свое. После своего выздоровления, Поля стала частенько ходить с отцом и матерью на могилку Дарьи Ивановны и на могилки других своих почивших родственников. Зимой на могилах белым полотном лежал снег. Весной вырастала травка и цвели посаженные Полюшкой и ее матерью нежные цветочки (незабудки, фиалки, лютики). В ветвях деревьев пели птицы. Как зимой, так и летом находиться рядом с могилкой

Дарьи Ивановны было по особенному легко и умирительно. Словно упокоился наконец человек после всех земных трудов и пережитых в жизни скорбей. И как будто она сама невидимо присутствовала здесь, рядом с могильным крестом и молча на них смотрела. Но необычайно радостно было в Пасхальные дни, когда батюшка крестным ходом обходил вместе с прихожанами церковь и, кадя в сторону могил и осеняя их крестом, восклицал: «Христос Воскресе!»

«Витославицы. Часовня из д. Кашира». 18 век.

– Во истину Воскресе! – хором отвечали ему верующие. И тишина кладбища нарушалась этим радостным приветствием.

– Во истину Воскресе! – отвечали батюшке наверное и почившие здесь люди.

Алексей К. Саврасов «Весна. Провинциальный дворик» 1880—1890-е

Глава 4. Ксюша. И снова осень

Илларион М. Прянишников «Пряха» 1878 г.

Полевые работы подходили к концу. В конце сентября начали копать картошку и рубить капусту. Другой урожай был уже собран. Просушенную пшеницу и рожь убрали в гумно. То, что мужчины промолотили – засыпали в амбары. Часть своего урожая крестьянин должен был отдать барину в качестве оброка.

Утро началось как обычно. Первой в 4 утра встала Евдокия Семеновна, растопила печь и принялась готовить еду и месить тесто для хлеба. Вслед за ней поднялась Полюшка и сразу стала помогать матери. В 5 утра они вместе с Иваном Сергеевичем встали перед образами на утреннюю молитву. Вдруг раздался громкий стук в дверь.

Иван Сергеевич пошел открывать. На крыльце стояла восьмилетняя Ксюшенька – дочь двоюродного брата Ивана Сергеевича, крестница Евдокии Семеновны. Она сильно дрожала то ли от страха, то ли от холода.

– Батюшка, – девочка бросилась на шею Ивану Сергеевичу, – не гоните меня, горемычную, разрешите поговорить с крестной!

– Что ты, детка, разве мы гнали когда тебя?

...«Я убежала из дому», – рассказывала потом, сидя на лавке с Иваном Сергеевичем и Евдокией Семеновной, девочка. – «Матка (мачеха Ксении, родная мать умерла когда Ксюше было три года) совсем изругала меня, забила, а батянка редко за меня заступается. Да и вижу я его нечасто, наедине не поговорить, а при матке – страшновато. Да и что он сделает? У него с Ульяной Никифоровной помимо меня еще трое детей. Их и обути и одеть и прокормить надо. А он у нас один с дедой кормилец! Вроде и хочет она иногда быть поласковой. Да стоит мне оказию какую-нибудь сделать, так вся и вспыхивает и достается мне как от родной матери, думаю, никогда не доставалось бы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.